

Инна РЯХОВСКАЯ

ТЫ и Я

Книга стихов

Москва
Вест-Консалтинг
2021

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-3
Р 99

*В оформлении лицевой стороны обложки использован
фрагмент картины художника Андрея Прахова
к стихотворению И. Ряховской «Не молчи, дружок, так хмуро...»
На 2-й стороне обложки — фото Ольги Ивлевой.*

Ряховская И. С.

Р 99 Ты и я: Книга стихов —
М.: Вест-Консалтинг, 2021.— 86 с.; илл.

ISBN 978-5-91865-650-1

Новая книга Инны Ряховской — это любовная лирика, разговор с любимым человеком на протяжении 43 лет совместной жизни, продолжающийся и после его ухода из жизни.

*В оформлении книги использованы
фотографии из архива автора*

© И. С. Ряховская, 2021
© А. А. Прахов, картина на обложке, 2021
© О. Ивлева, фото на обложке, 2021
© Вест-Консалтинг, оформление, 2021

*Светлой памяти
моего мужа Юрия Ряховского*

ОТ АВТОРА

Эту книгу я задумала после ухода из жизни летом 2020 года моего мужа Юрия Ряховского (р. 1948), с которым мы прожили вместе 43 года. Написанные в разные годы нашей непростой жизни, эти стихи — не только посвящения ему, они и о пережитом и прочувствованном нами вместе. В первую часть «... Нежности родник живой» вошли стихи, родившиеся при его жизни. Во второй части «Мой 2020-й год, или По краю пропасти» представлены стихи о пережитом нами в этом страшном, трагическом году его тяжелой, мучительной болезни и пандемии, свергнувшей нас всех в полную изоляцию, сделавшей невозможной жизненно важную для мужа операцию, которая могла спасти его. Надежда сменялась отчаяньем и вновь робкой надеждой, которую дарила возрождающаяся весенняя природа, — и это отразилось в стихах. Здесь же и стихотворения, написанные после смерти Юрия в память о нём.

Наши любимые живы, пока мы помним о них: «...Живёт надежда: смерти нет,/ Коль с нами дорогие тени/ И душ ушедших ясный свет». Наша любовь помогает мне выдержать всё, пережить смерть и жить дальше.

И снова, как встарь, от любви задохнуться,
Её гениальный чертёж постигая.
В преддверие рая шагнуть — и очнуться,
Когда совершится изгнание из рая.

Бесплодную, скудную землю ногтями
Взрыхлить, удобряя слезами и кровью.
Рожать, хоронить, возвышаться и падать,
И в тысячный раз на разрушенном —
строить.

И душу храня от смиренья и гнева,
И выжить сумев в этом гибельном крае,
Лишь смутную память
несём в своих генах, —
И думать забыв! — о потерянном рае.

И только однажды, уже на излёте,
Тебя вдруг пронзит понимания болью:
Обычная жизнь, как у сотен и сотен, —
Но это и было великой Любовью.

...Нежности родник живо́й

*Когда любовь ведёт по кругу
привычных дней, в обычный час
почувствуешь: протянешь руку —
и Вечность дышит у плеча.*

Коснёшься тёплыми губами
Моей щеки в рассветный час,
И всё, что было между нами,
Вновь вспыхнет и очнётся в нас.

Ведь нужно, в сущности, так мало:
Лишь нежности родник живой,
Морщинки глаз твоих усталых
И запах табака родной.

МИМОЛЁТНАЯ ВСТРЕЧА

Неспешность снегопада —
душе отдохновенье.
Пересечение взглядов,
озноб прикосновенья
и взгляд вполоборота
мельком через плечо,
как в моментальном фото, —
и сердцу горячо.
И в золотых заклёпках
зажжённых фонарей
все улочки и тропки
с фигурками людей.
...И силуэт в окошке
на третьем этаже
в обнимку с чёрной кошкой.
Так в снежном мираже
рождается сюжет:
пройдут ли мимо двое —
иль встреча состоится,
и искра разгорится...
А может, всё пустое —
следы их снег укроет
и растворит их лица,
и чуда не случится.
А вечер длится... длится...

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

*...Вот когда погосел ты,
спокойный, к крыльцу моему.*

А. Ахматова

Мне помнится тот год: отчаянья тиски,
придавлена к земле чугуною плитою,
никак не вынырнуть из омута тоски
и жизнью жить обычной и простою.

Холодная весна. Вой ветра в проводах.
Бьют ветки о стекло, и мечутся их тени.
И сердце без причин сжимает душный страх,
охвачена душа тревогой и смятеньем.

В разрывы облаков проглядывает март.
Пылят за днями дни бессильными снегами.
Обдумав всё, весна откладывает старт,
пока зима своё не опускает знамя.

Остывшая любовь. Ни ласки, ни тепла
и вымученных слов фальшивое звучанье.
Перегорело всё — лишь пепел и зола.
Не надо лгать себе. Дальнейшее —
молчанье...

.....

...Всё было так давно,
а вспомнилось сейчас —
такая же весна, промозглая, нагая...

Другой любви звезда, тропинки пролагая,
сквозь время и печаль вела навстречу нас.

Багряный был октябрь. И грянул листопад.
А ты искал меня с надеждою и верой,
блуждая в сумраке, плутая... Наугад
ты на крыльцо взошёл.
И не ошибся дверью.

ОКТАБРЬ

Есть в октябре прозрачная округлость...
По гибким стеблям влажных трав скользя,
Крутыми кольцами туман стекает к лугу,
Стирая угловатости изъян.

Душа наполнена свободной, зрелой силой
Писать стихи, рожать детей, дарить
Всё сущее своею добротой и милым
Слова любви блаженно говорить.

Касаясь слов, как будто спящих клавиш,
Слагать мелодию, которой нет конца,
И в звуках свет осенний переплавить
В спокойный свет любимого лица.

ЛЮБОВЬ

Вновь уста с устами слиты,
и любовное питьё
поцелуями испито.
Нега. Нежность. Забытьё.

Это головокруженье,
всполох счастья, жар и холод,
безнадёжность и сомненье,
ожиданье — рай и ад.

Полнится души криница.
Только верить. Только ждать.
И в любимом раствориться —
без остатка всё отдать.

Расчислена гармонией таинственной
Мозаика капризных хромосом,
И во Вселенной лона материнского
Парит ребенок, беззащитно невесом.

Он выплывает золотистой рыбкою
Из сумрачных глубин небытия,
Всезнающей и мудрою улыбкою
Лучится в сонной неге забытья,

Словно провидит, что судьбой отведено,
Что на веку его произойдёт.
Что знаем мы в своём глухом неведении
О тайнах жизни, коей он живет?..

И в точный час, с луной далекой сверенный,
Что движет воды материнских рек,
Он криком властным возвестит уверенно:
Я в мир пришел,
и аз есмь Человек!

ДВУХТЫСЯЧНЫЙ ГОД

В дождливых пеленах октябрь.
Короткий день съедают ночи.
Почти исчерпан календарь:
Два месяца — и год окончен.

Капель минут, капель часов,
Средь них события — междометья.
Столетье отопрёт засов —
И упорхнёт тысячелетье.

Войну и мор, любовь и ложь,
Ничтожество и гениальность —
Всё смеет Вечный Мукомол,
Всё тронет патиной банальность.

А надо лишь своим теплом
Согреть другого человека,
Чтоб встретить ясно и светло
Конец безжалостного века.

Горела лампа на столе.
Круг абажуром был очерчен.
За окнами сгущался вечер,
мелькали фары на стекле.

Ты тихо за столом сидел,
читал, чему-то усмехался,
парок над чаем поднимался,
шёлк занавески колыхался,
и месяц в форточку глядел.

Перемещение теней
в потоке золотого света,
и августа теплом согрето
мерцанье городских огней.

И звуки улицы неслись...
Но это всё не нарушало
покоя — тишина дышала,
и, замерев, я наблюдала,
сказав себе: не шевелись,

запомни свет и тишину,
и вспышку осознания счастья,
а в нём — сердец двух соучастье,
попавших на одну волну.

Попавшие в один ковчег,
настойной лампой озарённый,
над звёздной бездной раскалённой
летим с землёю опалённой
в провал космических ночей.

ДВЕ ЭЛЕГИИ

I

Птица юности сладкоголосая,
Ты слышна еще где-то в ветвях,
В оголённых осенних просеках,
В неприветливых наших краях.
Голос твой, приглушённый, но чистый,
Различаю сквозь рёв толпы,
Пронизал он тканью лучистой
Лет прошедших туманную пыль.
Он в гортань мне вливается тонкой,
Серебристо-звонкой струёй,
И его виноградные ноты
Превращаются в голос мой.
Я жива! — и люблю, и дышу,
И смеюсь, и тоскую, как прежде.
Только всё истончается путь...
Только всё не кончается нежность...

II

Зачем так короток наш срок?
Ещё и прожито так мало,
ещё и самых важных слов
тебе, наверно, не сказала.
Ещё летящий снежный путь
в ночи сияющей так светел.
Ещё ты на моей щеке
слезы печальной не заметил.
Ещё душа не холодна
и с равнодушьем не знакома.
Но клонится уже звезда
судьбы к земному окоёму.

МУЗЫКА ЛЮБВИ

Свирель настроят соловьи,
Дохнёт полночною прохладой,
И хлынет музыка любви —
Души весенняя отрада.

До высей обморочных трель —
Приливы страсти и отливы,
Алмазных звуков карусель,
И щёлк, и свист без перерыва.

Что ни весна, ни год, ни век —
Поёт нам серенькая птаха,
Чтоб к небу поднял человек
Хоть иногда глаза от праха.

ПОКУДА МУЗЫКА ЗВУЧИТ...

Покуда музыка звучит,
мы будем жить, мы будем вместе.
Не будет ненависти места.
Любви звенящие ручьи
нам будут петь, и смерч разлуки
разнять не сможет наши руки,
покуда музыка звучит...

Покуда музыка звучит,
очеловечивая души,
о, Господи, не дай разрушить
от тлена и распада щит!
И сохрани друзей живыми,
дай каждое запомнить имя,
покуда музыка звучит...

Покуда музыка звучит,
как камертон, настроим сердце.
Откройся, потайная дверца!
Мы правды обретём ключи.
Войны и злобы сгинет морок,
и мракобесья рухнет полог,
покуда музыка звучит...

Пусть дольше музыка звучит!

Окутан душною сиренью,
Май наплывает, как дурман.
Губами сонными к свирели
Своей припал ленивый Пан.

Земли, податливой и теплой
В предчувствии плодоносить,
Рожденья многотрудный опыт
Готово лоно повторить.

Извечным таинством любовным
В весенний вихорь погружён,
Песчинкой каждой мир огромный
В творенье Жизни вовлечён.

Любовь одна одушевляет
Сухую сущность Бытия:
Трава на камне прорастает
И в чреве матери — дитя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Как хорошо домой вернуться!

Даже с дачи.

Родных вещей уютный, милый мир.

Волной захлёснутая радости горячий,

устрою нам с тобой на кухне пир.

Мы посидим за рюмочкой неспешно,
разнежась и почти не говоря.

А за окошком дождичек прилежно
смывает август из календаря.

Здесь гений места нашего витает,
порхая в занавесках, в сквозняках,
здесь мамы с папой тени обитают,
всегда со мною — в яви и во снах.

О, здравствуй, здравствуй,
дом обетованный!

Гляжу, как первый раз, — со стороны.

Здесь всё знакомо так и так желанно...

Но мелочей привычных узнаванье
и даже чайника натужное фырчанье
вдруг обретают прелесть новизны.

Истончается день, увядает,
стрелки еле ползут на часах.
Тихо сумерки в город вползают,
и летит снежный тающий прах.

И сиротства вселенского эхо —
в суетливой усталой толпе.
Декабря одинокая веха.
Монотонного ветра распев.

О, согрей мне озябшие пальцы
и вдохни тёплой радости свет!
Подари мне волшебные пяльцы,
чтоб я вышила летний букет.

Пусть иголка, порхая, спроворит
васильков и ромашек наряд,
зимним вечером, будто бы зори,
пусть в нём алые маки горят.

Показалось, что в комнате тесной
нам защёлкали вдруг соловьи,
и слетелись все птицы небесные
в луговые поляны мои.

И стежки вдохновенные лягут
на пустынную почву канвы.
А под снегом мерещится взгляду
разноцветье цветов полевых.

ЛЕТО

Проведи ты меня по лугам,
по тропинкам сквозь царство крапивы.
Иван-чай припадает к ногам,
лопухов и ромашек разливы.

Уведи в заповедную сень,
просквожённую солнечным светом,
там под елью кудрявая тень,
и рябина в кораллы одета.

На стволах — ожерелья опят,
стая юных берёз на опушке,
и кузнечики дружно трещат,
отмеряет нам годы кукушка.

Так привычен, обыден и прост
нерушимый природы порядок,
и стремительный просверк стрекоз,
и паренье пушинок и прядок.

Я люблю эти летние дни,
это марево в небе покатом,
серебристый студёный родник
и румяную нежность заката,

изобилье даров и цветов,
щедрость запахов, музыку звуков,
драгоценное бремя плодов
и пчелы золотую науку.

ИЮНЬСКОЕ УТРО

Иван-да-марья, иван-чай,
разлучница разрыв-трава,
и сон-травой невзначай
дурманится вдруг голова.
И таволга, и бересклет,
осот, осока — сабель строй,
и слёт лягушек на совет
в пруду, в тени береговой.
Ласкает бархатный камыш,
и рыба плещет у мостков.
Вставай скорей — ты всё проспишь,
и завтрак на столе готов:
яичницы глазастой зрак
и кофе ароматный дух —
и кружев тени кавардак,
жужжанье пчёл, шмелей и мух.
Счастливых летних дней покой
и разнотравья аромат,
кружащий голову настой
цветов, заполонивших сад.
А рядом — леса волшебство,
тропинок юрких беготня.
И всё земное естество,
ликуя, в плен берёт меня.

МЕДУНИЦА

Сладко пахнет медуница —
Одурманены уста.
Лета пряные страницы
Ветерок перелистал.

В синеокую поляну,
Словно в омут, упаду,
Где отравою медвяной
Перехватывает дух.

Под жужжанье пчёл неспешных,
Под мохнатый гул шмелей,
Треск кузнечиков прилежных
Зной всё гуще, тяжелей.

Дня ленивое теченье
Длит июльская волшба.
И до головокруженья —
Губ горячих ворожба.

Брага неги богоданной
В каждой клетке разлита.
И загадка мирозданья
Так понятна и проста.

И дрожит, искрит, дробится
Сквозь ресницы солнца луч.
То ли снится, то ли длится
Одурь... Запах... Поцелуй...

Когда нас вихрь любви кружил
и страсть условия диктовала,
казалось, так лишь можно жить,
а по-другому не пристало.
Стихают бури юных дней,
и мудрой зрелости терпенье
нам и дороже, и ценней,
чем крови буйное кипенье.
Стократ дороже нам тепло
всё понимающего взгляда,
и сердце скажет всё без слов,
что бьётся в унисон и рядом.

Век ищет краткости — он строг
и в отношениях, и в слоге.
Едва наметившись в прологе,
уж состоялся эпилог.

И, как курьерский, жизнь летит.
Дай насладиться, наглядеться...
Мелькнуло полустанком Детство —
а вот и Юность позади.

Прекрасны Зрелости года,
осенней мудрости прозренья.
Мёд собран. Времени даренья
пришла счастливая страда.

В одном лишь перегоне Старость...
Ещё чуть-чуть — конец пути.
...О, как непросто нам пройти
с достоинством то, что осталось.

Мне надо знать, что ты живёшь на свете,
что город есть, и улица, и дом,
где лампа вечерами мягко светит,
экран компьютера мерцает над столом,
и что, перекрывая расстоянья,
с душой соприкасается душа.
Через границы, жар и холод мироздания
попробуем друг к другу сделать шаг.
Мы обострённей чувствуем в разлуке.
И оглянувшись, словно с высоты,
увидим нашу жизнь очищенной от скуки,
её неведомые прежде нам черты.

Не молчи, дружок, так хмуро —
говори со мной.
Вижу: чувств и мыслей смута.
Ты же сам не свой.

Переждем мы с тобою
этот липкий мрак.
Что бы ни было — нас двое.
И да будет так.

Трону руку твою нежно,
посмотрю в глаза.
На рассвете льётся с неба
в душу бирюза.

Ветер, вскинувшись, стихает,
оживает сад.
Как в Эдеме, наливаясь,
яблоки висят.

Словно Ева, сочный, влажный
дам тебе я плод, —
может, яблоко подскажет,
омут где — где брод...

Огнём полыхают созвездья калины
из ржавой листвы под осенним дождём.
Тяжёлые ветви любовно раздвину
и куст обниму: мы ещё поживём!

Как женщины зрелой вечерняя нежность,
налившихся ягод согреет пожар.
Горчащая сладость. Зимы неизбежность.
Жгут прелые листья — и дыма угар.

Закончилось лето. Багряная осень.
Грозит впереди ноябрём календарь.
А время всё тает... Его не попросишь:
постой, не спеши, передышку хоть дай.

И я — как калина под ветром осенним.
Дрожа, воротник поднимаю пальто.
Одна на юру, позабытая всеми,
ныряю в разверстую глотку метро.

Стократно острее одиночества мера
в толпе, равнодушной, усталой и злой.
И, корчась, сгорает в людей моя вера,
становится пеплом и серой золой...

Мне стали дороже обычные вещи:
уютного пледа ласкающий ворс,
цветок, на окошке под утро расцветший,
и твой: «Это ты?» — на звонок мой — вопрос.

Только не уходи,
не покидай меня.
Будут снега и дожди,
падать, шурша и звеня.
Смерти-воровке я
стану преградой здесь.
Ей не отдам тебя —
жить будем присно и днесь.
И на родном плече
буду я в сон лететь.
Жизни твоей свече
рядом с моей гореть.

Не ускользай от меня, погоди!
Не уходи в ледяные дожди,
в охряно-сумрачный свет ноября,
взмахом руки на прощанье даря.
Оцепененье души и ума.
Дышит на стёкла седая зима.
Встречным дыханьем протаю окно —
крутится снежное веретено.
Пусть помело равнодушной пурги
спрячет следы, и твои, и мои.
Я отыщу те тропинки любви,
где в вешних рощах поют соловьи,
где медуниц голубые глаза
вторят лазурной реке в небесах.
В яростном мире непросто найти
к сердцу от сердца дороги-пути,
душу родную в потёмках сыскать.
Нет, невозможно друг друга терять!

Коралл и золото...
Последних листьев звон
Скользит прощально по гипотенузе...
Всё кончено.
И снова мёртвый сон —
Весны и лета развязался узел.
Окончен труд от завязи к плодам,
Из смерти — жизнь рождающий любовно.
Всё лишь затем, чтобы другой Адам
Познание вкусил из рук греховных.

Я живу,
как в последний час
Я люблю,
как в последний раз.
Эта осень,
словно прощанье,
Через край напоила печалью.
Золотая моя,
Золотая...
Листопадом твоим замечает...

НОВОГОДНЕЕ

Послушай, вот моя рука, —
как ни была бы жизнь горька,
пойдём же к новогодней ёлке.
Дрожат доверчиво иголки
и Вифлеемская звезда
загадочно с верхушки светит.
А Старый год уже отметил,
где та заветная черта,
когда начнётся суета
и, позабытый, он с котомкой
уйдёт клубящейся позёмкой,
и грянет Новый, юный год.
Так верить хочется: несёт
он всем добро, любовь и радость,
утешит грусть, залечит раны,
смирит он ненависть, и зло
хвост подождёт, хотя б на время,
и нескончаемых забот
немножко легче станет бремя.
Что было суждено — сбылось.
Несбывшееся — унеслось
листвой пожухлой, облетелой...
О, не жалея. Проходит всё.
И боль ушла. Перегорела.
Вот промельк счастья и звезды
и запах детства и надежды...
Смеёмся с мудрой высоты
над всем, чего страшились прежде.

И хвоя пахнет мандарином
под перезвон бокалов дивный,
а в законном, загардинном
просторе ворожит зима,
снегами кутая дома...
Под бой часов, дверь отворя,
День Первый входит, как ребёнок, —
так непорочен, чист и звонок.
Волшебным утром января
зажжётся юная заря.
И вместе мы.
И жизнь не зря.

Я мая жду, его сирень
и юношескую его прелесть.
Подобен пению сирен, —
под ветром листьев плеск и шелест.

И облака, как корабли,
к заветной гавани причалют,
и паруса надует бриз,
как будто жизнь ещё в начале.

Готова отдавать росткам
за зиму скопленные силы
земля, их вынянчить, а там —
чтоб всё цвело и колосилось.

И майский жук, и соловей,
словно живые амулеты
и весть, что в анфиладе дней
откроется дорога в лето.

О, как не просто разглядеть
в отчаяньи — побег надежды,
преодолеть, перетерпеть,
в себе найдя опору, стержень,

когда беда в твой дом войдёт
и безысходность спеленает.
Весна вновь силы придаёт
пьянящим ликованием мая.

Лишь не сдаваться и не ныть,
и, подчинясь весенней тяге,
в пучине бедствий дальше плыть,
исполняясь верой и отвагой.

СИРЕНЬ

Под сенью сумерек лиловых
сирени, опушившей сад,
кружащим голову покровом
невероятный аромат
укрыл несовершенство жизни,
сарай, уродливый забор,
и лепестков душистых брызги
к себе приковывают взор.
О, щедрость красоты безмерной,
подаренной невесть за что!
Ищу в цветках я суеверно
заветный пятый лепесток.
Как в детстве: загадать желанье
и знать, что сбудется оно.
Ведь было сказано в Писаньи:
Просите — будет вам дано
Не нагляжусь, в оцепененьи,
заговоренная, стою.
И в буйстве майского цветенья
Я вновь живу, дышу, люблю.

ПОДУМАЙ ОБО МНЕ...

Весенней ночью гдумай обо мне...

Е. Евтушенко

Подумай обо мне, когда
слезами заливаает стёкла
осенний дождь, асфальтом мокрым
несётся палая листва,
ночь — как бессонная сова,
и кровь в природе замирает,
и жизнь по кромочке ступает.

Подумай обо мне, когда
завесой снег нисходит с неба,
застряла колесница Феба
в свинцовых тучах, тишина
стоит державой нерушимой,
сокрыта даль морозным дымом, —
не выбраться душе из сна.

Подумай обо мне, когда
весна засовы отворяет, —
никто ещё не помышляет
ни о тепле, ни о плодах
в вишнёво-яблонных садах,
но разрастается звенящий,
освобождённый и пьянящий
природы пробуждённой вздох —
и застаёт тебя врасплох.

Подумай обо мне, когда
дохнёт любовью и печалью
от трелей соловьёв ночами,
под солнца жаркими лучами
побеги прянут в полный рост,
глашатай лета — певчий дрозд —
свои рулады заведёт,
и пчёл прилежными трудами
наполнятся ячейки сот.

А я — везде: в порыве ветра,
в сирени ластящейся ветке,
в строфе, летящей из тетрадки,
и в дочке, что моей повадки,
и в блике солнца на окне,
в речной искрящейся волне —
я эта быстрая вода¹...

Подумай обо мне тогда...

¹ Имя Инна (готское, старорусское, греческое, латинское или германское) в переводе с латинского означает «сильная вода», «бурный поток».

Как шёлково объемлет тишина,
лишь плеск воды о берег еле слышен.
камыш своё величество колышет.
и шелесты, и вздохи-шепотки,
и водомерки шустрые стежки,
и к ночи леса уплотняется стена,
а пашня неба семенами звёзд полна.
Вдруг тренькнуло — и с треском тишина
рассыпалась серебряною звенью,
взбурлила цокотом, и щёлком,
свиристелью
и полной страсти соловьиной трелью.
И штопором закручиваясь, длясь
в захлёбе невозможном, запредельном,
она звучит всепобеждающе и цельно,
любви и жизни воспевая связь.

В жасминовой неге плывёт соловьиная ночь,
и лунные грозди мерцают загадочным светом.
Недолгою сказкой мелькнёт

долгожданное лето —
насытиться вволю, чтоб холод зимы превозмочь.

И золото дней распускается розой в саду,
и ворохи платьев цветастых манят наряжаться.
Поющий, цветущий июнь —

в летний путь мой весёлый вожатый,
с тобою в духмяных лугах утону, пропаду.

Обнимет река серебристой прохлагою в зной,
как будто живая вода, возвращая и юную силу,
и ловкость.

И душу наполнит родного пейзажа объёмность
и воздух текучий, звенящий тугой тетивой.

И этот поток обернётся другою рекой,
течение вспять понесёт, к заповедным истокам,
где молоды мы, и ещё не исполнились сроки.
И все ещё живы.
И столько дорог — но идти по одной.

Мою 2020-й год,
или По краю пропасти

*Ещё не все погасли свечи —
одна, упрямая, горит.
Перед беспомощностью речи
молчанье больше говорит.*

*И память птицей сизокрылой
своим крылом обнимет нас.
Я ничего не позабыла —
я помню каждый день и час:*

*слова, что ты шептал мне тихо
в осеннем сумраке ночном,
бегу и радость, счастье, лихо,
сирени запах под окном.*

*И этот неостывший пламень
осветит путь в аду, в бреду,
когда неверными стопами
по краю пропасти пойду.*

Что чирикает воробышек
На окошке на моём?
Весь нахохленный от робости,
Прыгает бочком, бочком.

Тяготит зимовье длинное,
Страх бескормицы, пурга,
Кошка толстая, ленивая,
Сцапает — вся недолга.

Мы с тобой, как тот воробышек, —
Чуем пагубный оскал.
Мга декабрьская хворобная,
Ветер воет, как шакал.

И качаются, и плещутся,
Гнутся долу и в дугу,
И рябины, и орешины,
И берёзы в пляске жгут.

И тревога неизбывная
Чёрным вороном кружит...
Но надежды луч призывный
Слабой искоркой дрожит.

МОЛИТВА

Многое свалилось мне на плечи —
Сил немного. Боже, помоги!
Дай достойно век свой человеческий
Мне прожить и все вернуть долги.
Дай любить, кого люблю безмерно,
Дай здоровья близким, дорогим.
И убереги от лжи и скверны
На дороге, где уже ни зги.

Голос, яркий, как сияние,
Разливался надо мной.
Было всё в нем: обещание,
Безмятежность, и отчаянье,
И сомненье, и покой.
Будоражил, звал и радовал,
Гладил тёплой рукой,
Сокровенный смысл угадывал
В суетной тщете земной.
Что-то грозно-неохватное
Подступало и несло
Золотую мою лодочку —
Потеряла я весло...
Мысль и чувство стали музыкой.
Стала музыкою я.
Стали лишнею обузою
Все приметы бытия.
И когда с последним тремоло
Разразилась тишина,
Я была за гранью времени —
Там, где нет его.
Одна.

ПРЕЛЮДИЯ

Весенний февраль — ни снегов, ни морозов,
Везде зеленеет трава.
Апрельское небо над будничной прозой
И солнце вступает в права.
Пойдём же шататься без плана, без цели
В весёлой, хмельной чехарде.
Застывшей угрюмости сброшены цепи,
И дребезги бликов в воде.
В сиренево-палевых сумерках нежных
И веет, и дышит весна.
На волю проклюнулся скромный подснежник,
И птичий галдёж допоздна.
И вздрогнешь, почувствовав остро и ясно
Под звёздную пылью светил,
Как ты к этой жизни всей плотью причастна,
Всей кровью натянутых жил.

Наши лица плывут,
отраженные в чёрном окне метropоезда
в подземном туннеле —
или в бесконечном туннеле времени? —
вырываясь в полосы света
и снова погружаясь во мрак.
Наши жизни нанесены
изящной кисточкой неведомого каллиграфа
чёрной тушью на свитке Судьбы,
плывущем в Вечность...
Туннель времени, как воронка смерча,
засасывает — не вырваться.
И всё мимо и мимо несутся
и уносятся назад, в никуда,
девочка с бантом и удивлёнными глазами,
девушка, целующая любимого,
женщина, склонившаяся над
новорожденной дочкой,
обнявшиеся отец и мать,
люди и события, праздники и будни,
радости и страдания,
годы и десятилетия,
перевал двух веков и двух тысячелетий,
ослепительные вспышки счастья
и боли —
такая длинная, такая короткая,
такая прекрасная и неповторимая
ЖИЗНЬ.

ЮНОСТЬ

А помнишь, жасминовый вечер,
Черешен тугих аромат,
Каштанов упругие свечи,
Звёзд яркий, мерцающий сад
На влажном, распахнутом небе?..
Когда это было?..
Давно...
Как будто механик-волшебник
Мне памяти крутит кино.
Друзей вдохновенные лица,
Родительских рук благодать...
Придётся ещё научиться
Скорбеть, ненавидеть, терять.
Прибой белопенный сирени —
Дурманный, душистый накат,
И шёпот, и звуки, и тени,
И свист соловьиных цитат.
Горенья высокое пламя,
Любовь и надежды со мной,
И юности яркое знамя
Летит над весёлой землёй.
И в том же стремительном ритме
Земля по орбите кружит.
А жизни открытую книгу
Ещё прочитать предстоит...

МАРТ

Горчащий запах первоцветов,
Шершавые ладони марта.
Как много стало в мире света,
Распевы птиц звучат азартно.
Смолой душистой клейких почек
Полно дыханье дня и ночи,
И влажным духом пробужденья
Земли из сна оцепененья.
Давай, весна, берись за дело,
Отмой и улицы и души!
Проказой грязи оголтелой
Сокрыты красота и сущность.
И отскреби коросту злую,
Что проросла везде, как плесень,
Кичась, победу торжествуя
В своей невежественной спеси.
Всё вешние омоют воды.
Март дышит молодо и чисто.
И обновление природы
Жизнь наполняет новым смыслом.

Страшное время, глядящее совиными глазами
пустоты и неизвестности.
Время карантина, рифмующегося с карателем.
Мы ещё на земле, но уже в каких-то других
измерении и местности,
В изоляции от любимых людей,
друзей и приятелей,
от травы и весенних деревьев, от воздуха,
от жизни, привычной, простой и понятной,
в каменном мешке города — неживого, грозного,
в параличе несвободы и невнятности.
Ощущенье болотистой почвы —
зыбкой, неверной,
отсутствие перспективы и опоры.
Разлюли-малина для невероятнейших слухов
и скверны,
кажется, что ложью забиты все поры.
И это невидимое, отвратительное НЕЧТО
вползает в сознание клещом страха,
ужасом необоримым скрежещет:
хочу — помилую, хочу — задушу,
превращу тебя в горстку праха.
Говорят, при коронавирусе теряются вкус
и обоняние...
Но значит, не всё потеряно, если после грозы
пьянит по-прежнему тополиных почек дыхание,
и сияние капель дождя на берёзе
прозрачной слезы,
и майское солнце утешает, играя лучами.

«Всё пройдёт, и это тоже пройдёт», —
сказал Соломон.

Вечно ничто не длится.

Минут и эти напасти, беда и печали,
и жизни вкус обязательно возвратится.

СЛОВАРЬ ВЕСНЫ

Между мраком и светом,
Лишь займётся заря,
Постигаю секреты
Твоего словаря
В этой майской псалтири
По азам, по слогам
От безбрежности мира —
К золотым берегам.
Из излуки в излуку
Сердце-кормчий ведёт.
Траектория звука
Прочертила полёт:
Зачумлённого града,
Покидая предел,
Голос певчего брата
Путеводно звенел.
И в кипеньи черёмух
И цветущих куртин
Припаду, твой приёмьш,
К перекрестью долин,
Где под вешнею трелью
Зеленеют поля,
Прошлогоднею прелью
Дышит влажно земля.
И горчащая радость
Хлынет — дух мой замрёт,
Словно матери рядом
Меня голос зовёт.

Дождик льёт. И разлеталось,
Раскричалось вороньё.
С сумасшедшей птичьей стаей
Сердце мечется моё.

Это лихо, ох, не тихо —
Молотом колотит в грудь.
Карантинная рутина,
Как удавка. Не вздохнуть.

Безысходности горючей
Разливанная беда...
Сердце падает, как с кручи...
Выход где? Идти куда?

Не унять кручину злую.
Тёмной бездны на краю
В ночь безлунную, глухую,
Одинокая, стою.

Заливается соловушка
На рассвете за окном,
А бессонная головушка
Думает лишь об одном.

Поселилось в сердце горюшко,
Что полынь да лебеда.
Поднялась на эту горушку,
А дорога — в никуда.

Ой, судьба-то к нам неласкова,
Подогнала бед обоз.
Были б слёзы, я б поплакала —
Только нет у меня слёз.

И на все четыре стороны,
Как ни кинь — да всюду клин.
Прогоняет думы чёрные
Лишь соловушка один.

КАРАНТИННЫЙ СОЛОВЕЙ

А соловей плевал на эпидемию.
Он так заливист, голосист и радикален,
Что узники в счастливом изумлении
Все на балконы вылезли из спален.
Уж это горло не заткнуть запретами
и не надеть смирительный намордник.
Не заклеймённый номерными метами
Поёт свободный, упоительный негодник!
Как он выщёлкивал свои коленца!
Ему приятель вторил, воспаряя,
Как будто вон из плена звал он сердце,
Весёлым свистом полночь заливая.
Без перемен в весеннем расписании
по случаю ковидной заварухи,
Жизнь славил страстно, на разрыв дыхания,
Под майским небом среди чумной разрухи.

МЕЛОДИЯ ВЕСНЫ

Звени, мелодия весны,
Мне, что ни день, являя обновленья,
Черёмух цветом лунным с веток сыпь
И кутай пенным облаком сирени.

Вот одуванчики все в зёрнышках росы,
Мильоном солнц зажглись весёлым хором,
И яблонь, слив и груш в свои часы
Невестятся нарядные уборы.

Тюльпаны и нарциссы отцвели
Готовятся на трон взойти пионы,
И пчёлы зарываются в бутоны.
Усердно трудятся в садах шмели —
Гудят мохнатые аккордеоны.

И всё благоухает и цветёт
Под птичий гвалт и щебет, свиристенье,
Щёлк, клёкот, свист и гúленье.
Ждёт, ждёт
Меня мой сад.
А я незримой тенью
Лишь в снах к нему без пропуска лечу.
И в карантинном заточении грущу.

Обоняя сенокосный запах,
Взмыть бы мне беспечной певчей птахой
Или непослушной егозой —
Перламутровой, глазастой стрекозой.
В горние, медовые настои
Вырваться бы птицей золотою
Из тоски, развала, из-под глыб,
Где затягивает мертвенная зыбь.
Отпустите мою душу живу,
Не стреножьте вольного порыва!
Тяжкой ноши неподъёмен груз —
На земле он остаётся пусть.
Одолев цепей всех натяженье
И презрев земное притяженье,
Полечу в высокие леса
И в просторные, седые небеса.
Покружу над домом и над лугом,
Распрощаюсь и с врагом, и с другом...

Нет, не улечу, не убегу...
Я тебя покинуть не могу!

Дни за днями щёлкают на счетах
времени — ни охнуть, ни вздохнуть.
Заточенье набирает обороты,
каменной плитою давит грудь.
Тяжко болен ты. Вдвоём в квартире.
и надежды только на себя.
Изоляция от помощи, от мира
сетью нас опутала, губя.
Мой рубеж последний обороны
лишь терпенье — больше ничего.
Меркнет солнца к вечеру корона.
День прошел — как не было его.

ПРОЩАНИЕ

(на сороковины)

1.

Целовала я тебя последним целованием
перед расставанием навек.
Вот конец земным твоим страданиям,
мой родной, любимый человек.
Полной чашею испил ты муку,
на Голгофу крестный путь прошёл,
и тебя на вечную разлуку
Ангел Смерти за собой увёл.
Лик твой был спокоен и прекрасен,
благороден, чист высокий лоб,
тронуты уста улыбкой ясной.
А меня в июльском зное бил озноб.
Не смогу уж ничего сказать,
Сделать для тебя хотя бы малость.
Только память — всё, что мне осталось.
В сердце ты — и это не отнять.
Всё хорошее я буду помнить,
переворошив десятилетия и дни,
перечитывать любви и жизни повесть —
до конца пусть светят те огни.

2.

...К душистым ельникам,
к сосновым разговорам,
К зелёным пажитям,
забытым и родным,

где поутру туман густой, как дым,
вернуться бы...
Но жизнь летит так споро...
Легко взлетала на прохладном сквозняке
там занавеска с кружевным подзором...
И там моя рука была в твоей руке...
И счастье билось жилкой на виске.

3.

В других измерениях и весах,
в пространствах неведомых сфер,
где времени нет — есть лишь место,
куда совершился трансфер,
мы встретимся в новых обличьях
в бесстрастной и гулкой тиши.
А как распознаем мы птичий
язык незнакомый души?
Как души друг друга узнаем?
Бестрепетно мимо пройдем,
иль своды журчащего рая
напомнят нам тёплый наш дом?
Мы звёздами станем и светом,
холодным, летучим огнём,
звонящей строкою поэта —
и в ней никогда не умрём.

Июль-сентябрь 2020

Лазурь, и киноварь, и охра,
Багрец и пурпур, изумруд
Тропинками средь веток мокрых
В объятья осени ведут.

Как тетивой тугого лука
Стрела, отпущенная влёт,
Так высью запредельной звука
Просторный небосвод влечёт.

Вальсируя в лучах неярких,
Кружится золото листвы,
Щедры последние подарки
Тепла в оправе синевы.

Тем и прекрасно увяданье —
Природа круг свершает свой,
Но непоколебимо знание:
Всё возрождается весной.

Из смерти — в жизнь преображенье,
И снова прорастёт зерно.
А человеку возвращенье
Не суждено... Не суждено.

Уже летит нездешний ветер,
Чтоб унести за окоём,
К холодным, тёмным водам Леты
Всё то, чем дышим и живём.

Но здесь, в гармонии осенней,
Живёт надежда: смерти нет,
Коль с нами дорогие тени
И душ ушедших ясный свет.

Сентябрьскою ночью,
под полной луною
во сне мой любимый
был рядом со мною.
Что губы шептали,
как руки ласкали
и как горячо
в темноте обнимали,
о том не сказать на бумаге словами.
Дробилась луна золотыми шарами,
на бархате синем сияла звезда...
Очнулась под утро.
Одна.
Навсегда.

Лесная дорога ведёт и петляет.
Смолистый и пряный сосны аромат.
И дни сентября пролетают и тают,
Обряжены в золото, как на парад.

Осенней печалью наполнено сердце.
Пора расставанья, прощанья и слёз.
Багровых закатов отчаянных скерцо,
И солнце пульсирует в грибах берёз.

Я помню, как в полном бессилии речи
Тебя целовала в лесной тишине.
Был полдень — не полдень,
Был вечер — не вечер,
Когда ты склонялся с улыбкой ко мне.

Твой голос любимый, далекий, зовущий
Всё кличет негромко среди тёмных стволов,
Другим уже далям крошечным присущий,
Как будто ласкает последним теплом.

Это год невозвратной потери...
Не могу я пока осознать,
Чем утрату такую измерить,
Как жить дальше и что выбирать...
Чёрный ворон беду напророчил,
Тенью смерти над нами кружил.
Год двадцатый, больной и порочный,
Нашу жизнь до корней сокрушил.
Ты покинул меня на рассвете
И оставил земной наш предел.
Был расцвет плодоносного лета,
День июльский сиял и звенел...

Прокукуй на заре мне, кукушка!
(Всё молчит, хоть зови — не зови...)
Подскажи мне, лесная подружка,
Потаённые тропы любви,
Где мы вместе бродили-плутали,
Иван-чай нам лиловый кивал,
Открывались лучистые дали,
Тёмный бор горизонт застилал.
И дышалось легко и привольно...
Озаряет минувшие дни
Память, будто бы вспышками молний,
Чтоб в душе это вечно хранить.

И объяли меня воды до души моей...

**Книга пророка Ионы,
гл. 2, стих 6**

И как я не сошла с ума?
И как я выдержала это —
дни без надежды и просвета?
И ноши тяжкая сума
Меня давила и сгибала,
И хватит сил ли — я не знала.
И было ощущение краха...
И волны горя, воды мрака,
что поднимались, всё черней,
объяли до души моей.
Был час глухой, час полнолуния,
и в бездну призрачный полёт.
...А за стеной одна певунья
всё рассыпала бисер нот...
И этот голосок негромкий
неведомой мне незнакомки,
словно весенний первоцвет
и в тучах робкий, слабый свет,
мне стал соломинкою тонкой,
тропинкой солнечной и звонкой,
хрустальной флейтой ручейка —
и в жизнь позвал из тупика.

КОГДА УЙДЁМ...

...Станем цветами, покосами,
станем жемчужными росами,
песней бесхитростной, звонкою
в поле былинкою тонкою,
радугой в небе пологою,
в пыльных просёлках дорогою,
скрытой за облаком кручею,
лёгкой строкою певучею.

Шуршанье листьев под ногой
в лесу ноябрьском, предзакатном.
Как солнце гаснет за горой,
так жизнь уходит безвозвратно.

В воронку призрачных часов
стекают неостановимо
песчинки дней, недель, годов
жестоко и неумолимо.

И первой страсти жаркий плен,
и поздней мудрости прозренья,
потери, счастье, озаренья,
с земной юдолью примиренье —
неужто обратятся в тлен?

Лишь памяти живая нить
связует всё неразделимо,
что невозможно повторить, —
как купина неопалима.

Сквозь дымку — скудные лучи,
неяркий свет на небе бледном.
Случайно птица закричит —
и тишина плотней объемлет.

Как листья жёлтые летят
осенним сладостным прощаньем...
Как клёны яростно горят
любви вечерней воздаяньем...

МЕТЕЛЬ

Заметает метель мою жизнь,
Засыпает последние тропы,
То пророчит, свистит и пуржит,
То едва различим её ропот.

Золотых чьих-то окон привет
В темноте, в танце снежной позёмки.
И мерещится твой силуэт,
Хруст шагов накрахмалено-звонкий.

Не кружи ты, метель, не морочь
Вороватой и хитрой цыганкой.
Я устала, невмочь мне, невмочь
За фантомом бежать, за обманкой.

...Он уходит всё дальше, во мрак,
В злую замять, в седое горнило.
Оглянись! Ну подай же хоть знак,
Я с тобою не договорила...

Белизна. Целина. Ни души.
Только, вихрясь, куражится выюга...
Тише, сердце, аллюр приглуши,
Не сорвись окончательно с круга.

За окном январь. Мороз.
В комнате тепло и чисто...
На карнизе, как мониста,
Искрится сосулек гроздь.

И на тонких остриях
словно на клинках кинжалов,
жизнь играет в хрусталях
и сорваться угрожает.

Всё до точки бытия
Сузилось. Тоска сдавила.
Внешний мир отгородила
От себя душа моя.

ГИАЦИНТЫ

Гиацинты цветут на окне,
Обманув календарь и природу.
За стеклом тихо падает снег,
Дверь распахнута нового года.

В январе этот майский цветок
Мне надежды привет посылает:
Вот пробьётся весна, как росток,
И душа снова к жизни отгает.

Твой голос нежно среди ночи
Разбудит, бережно обнимет,
Как только ты умел: «Иночек...» —
Моё вышёптывая имя.
Звучание из ниоткуда,
Из памяти кровотокащей...
Я больше никогда не буду
С тобою на земле встречаться.
И мне не суждено прижаться
К тебе, быть слабой, беззащитной...
Увидимся, быть может случится,
Когда мой будет век сосчитан.
Пока же, по ночам тревожа,
Струится речь твоя живая,
Волной тепла бежит по коже,
Любовью сон мой согревая.

Плывёт мелодия над городом,
Купая ноты в звонком воздухе,
Плывёт над грохотом и топотом
Сквозь дымку сизую, морозную.
Скользит в дворы и закоулочки,
Кружит над быстрыми прохожими.
А я иду шажком прогулочным,
Где чистый снег непотревоженный.
И радость ручейком таинственным
Мне прямо в душу проливается,
Как будто вот он, мой единственный,
Идёт навстречу, улыбается.
Какие там играют лабухи,
В каких небесных эмпиреях?
Да с ними просто сладу нет!
Но люди смотрят чуть добрее.
Их лица светом озаряются,
Стряхнув с себя оковы холода,
Когда средь бед и неурядицы
Звучит мелодия так молодо.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Как ночь нежна! (Ты помнишь тот роман¹,
который в юности читали с упоением?)
Волшебно извиваются растенья
под лунным светом, реют светляки,
и южный свод разверзся звёздной бездной...
Воспоминанья так ли бесполезны?
Они — моё лекарство от тоски.
Летит, звучит чарующее скерцо...
Промытый кровью собственного сердца,
бесценный опыт жизни и любви
в бездонной глубине памяти лови!
И слышишь музыку морской волны и ноты
парящие гортанных чаек, и длинноты
повисших пауз, произнесённых фраз...
В лиловый, запредельно поздний час
впряглись лады дизелов и бемолей.
границы стёрлись между волей и неволей,
Как ночь нежна от нежности магнолий,
от нашей нежности в брильянтах звёздной соли —
на долгий путь тут хватит про запас!
И мирозданье обнимает нас.

¹ Роман «Ночь нежна» Скотта Фицджеральда.

Наших душ единая мелодия
Слышится мне в каждом божьем дне.
Тихая, но ясная просодия
Мне звучит и в яви, и во сне.
В зимнем дне, в жемчужно-вьюжной замяти
Всё звенит нездешняя струна.
Этой музыкой, любви живую памятью,
До краев душа моя полна.
Волшебства предчувствие не спутаю:
В Рождество, лишь солнышко встаёт,
Чудится в моей постели утренней
Тёплое дыхание твоё.

ЗАБЫТЫЕ ПИСЬМА

Забытые письма, случайные записи.
Листаю, читаю — здесь целая жизнь.
Как будто нечаянно подняли занавес —
Там памяти пласт запылённый лежит.

Но только дотронешься, хлынут волною
Улыбки и образы, звуки, слова,
Укрытые плотною лет пеленою,
В них светлая сила доныне жива.

Признание в любви, и от мамы конвертик,
И ворох записочек давних в роддом,
Открытку дочурки растерянно вертишь,
Пытаясь от слёз удержаться с трудом.

Рожденье стихов — черновые наброски,
Полночных, подлунных бессонниц плоды.
Жар летнего солнца по строчкам расплескан,
Падение снега, сиянье звезды.

Я эти богатства храню, как зеницу, —
И почерк, и чувства людей дорогих.
Забытые письма — из памяти птицы
Поют и курлычут на стогнах родных.

Озорной птенец мой легкокрылый —
Трелей серебристые ключи,
Пой о тех, кого я так любила,
Но мои потери не ищи

Ни в холодных и бесстрастных высях,
Ни на рыже-золотой земле...
Были — и ушли, душой и мыслью
В сердце отпечатав тёплый след.

Якоря мои, мои опоры,
В мире, где не жить, а выживать,
Мне без вас на гибельных просторах.
Времени подкову разгибать.

Лишь птенец, на солнечной лазури
распластав восторженный полёт,
Беззаконный маленький лазутчик
В мир иной, — поёт,
поёт,
поёт...

Тихо имя твоё прошепчу —
И подхватит, охватит поток,
Память долгой любви, свежесть чувств,
И пронзит электрический ток.
Рядом, рядом дыханье твоё,
Этот свитер твой запах хранит,
Из далёких, нездешних краёв
С ветром весть от тебя прилетит.
Бестелесное это письмо
Я всем сердцем приму и пойму,
Лишь спрошу: «Как покинуть ты мог?» —
В опустевшем тоскливо дому.
Но ты знаешь: я сильной была,
Буду сильной, поверь мне, и впредь,
Коль сломить меня не смогла
Даже смерть твоя.
Даже смерть.
И пока сердца стук не затих,
Буду жить и любить за двоих.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
«И снова, как встарь, от любви задохнуться...»	6
<i>...Нежности родник живой</i>	
«Коснёшься тёплыми губами...»	8
Мимолётная встреча	9
Холодная весна	10
Октябрь	12
Любовь	13
«Расчислена гармонией таинственной...»	14
Двухтысячный год	15
«Горела лампа на столе...»	16
Две элегии	18
Музыка любви	20
Покуда музыка звучит...	21
«Окутан душною сиренью...»	22
Возвращение домой	23
«Истончается день, увядает...»	24
Лето	25
Июньское утро	26
Медуница	27
«Когда нас вихрь любви кружил...»	28
«Век ищет краткости — он строг...»	29

«Мне надо знать, что ты живёшь на свете...»	30
«Не молчи, дружок, так хмуро...»	31
«Огнём полыхают созвездья калины...»	32
«Только не уходи...»	33
«Не ускользай от меня, погоди!..»	34
«Коралл и золото...»	35
«Я живу, как в последний час.....»	35
Новогоднее	36
«Я мая жду, его сирень...»	38
Сирень	40
«Подумай обо мне...»	41
«Как шёлково объёмлет тишина...»	43
«В жасминовой неге плывёт соловьиная ночь...»	44

Мой 2020-й год, или По краю пропасти

«Ещё не все погасли свечи...»	45
«Что чирикает воробышек...»	46
Молитва	47
«Голос, яркий, как сияние...»	48
Прелюдия	49
«Наши лица плывут...»	50
Юность	51
Март	52
«Страшное время, глядящее совиными глазами»	53

Словарь весны	55
«Дождик льёт. И разлеталось...»	56
«Заливается соловушка...»	57
Карантинный соловей	58
Мелодия весны	59
«Обоня сенокосный запах...»	60
«Дни за днями щёлкают на счетах...»	61
Прощание (Триптих)	62
«Лазурь, и киноварь, и охра...»	64
«Сентябрьскою ночью...»	66
«Лесная дорога ведёт и петляет...».	67
«Это год невозвратной потери...».	68
«И как я не сошла с ума?...»	69
Когда уйдём...	70
«Шуршанье листьев под ногой...»	71
Метель	72
«За окном январь. Мороз...»	73
Гиацинты	74
«Твой голос нежно среди ночи...»	75
«Плывёт мелодия над городом...»	76
Южная ночь	77
«Наших душ единая мелодия...»	78
Забутые письма.	79
«Озорной птенец мой легкокрылый...»	80
«Тихо имя твоё прошепчу...»	81

Литературно-художественное издание

Инна Ряховская

Ты и я

Книга стихов

Главный редактор – Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка – Ирина Ракитина

Корректурa авторская

Бумага офсетная
Формат 120х190
Гарнитура Baltica
Тираж 150 экз.

Сдано в набор 29.03.2021
Подписано в печать 07.04.2021

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.